

КНИГА 1

Лабиринты судьбы

ПРОЛОГ

Когда я была мала, я старалась не заходить в лужи, и не потому, что боялась червяков или опасалась промочить ноги. Совсем наоборот: была я девочкой неаккуратной и постоянно ходила грязной, но мне это было абсолютно все равно.

Сама не знаю почему, я не могла поверить в то, что эта сверкающая водная гладь — всего лишь тонкий слой над твердой землей. Она казалась переходом в следующее бесконечное пространство. Иногда по луже пробегала рябь, и мне казалось, что это ужасно глубокий водоем, как море, где прячутся огромные осьминоги, медленно шевелящие щупальцами, и немо мелькают тени чудовищ с огромными зубами.

В воде я обычно видела собственное щекастое отражение в обрамлении кудряшек на фоне голубого свода и представляла себе, что на самом деле это — переход к другим, следующим небесам. Только сделай шаг — упадешь и будешь бесконечно лететь в никуда сквозь голубую бездну.

Не боялась я ступать в лужи только в сумерках, когда на небе зажгались звезды. Если я видела в темнеющей воде отраженные яркие точки, то исполнялась отваги и с хлюпаньем влезала в нее — вода становилась такой же, как небо, и хотелось упасть в этот космос, дотянуться до звезд, схватить одну и почувствовать себя в безопасности.

И сегодня, когда мне встречается лужа, я прихожу в определенное замешательство, хотя, особенно если тороплюсь, я не останавливаюсь и иду по ней.

Но внутренний голос по-прежнему твердит мне: а вдруг в этот раз ты провалишься?

ЧАСТЬ 1

Солдатская любовь

ГЛАВА 1
ВОРОНИЙ ПИР

Многие горцы-вожди сражались,
Много героев со смертью встречались.
И приютила родная земля
Тех, кто пал за закон и за короля.

*Якобитская песня
«Неужели ты не вернешься?»*

16 апреля 1746 года

Он умер. Почему-то, правда, болезненно дергало нос; это было странно. Разумеется, он верил в Создателя понимающего и всепрощающего, но испытывал и ту изначальную, словно оставшуюся от первородного греха, вину, заставляющую любого набожного христианина страшиться ада. Впрочем, все, что он знал о преисподней, не позволяло считать, что бесконечные муки, уготованные бедным грешникам, могут свестись к боли в носу.

В то же время в рай он попасть точно не мог. По ряду причин. Прежде всего, он этого отнюдь не заслужил. Кроме того, на рай это было совершенно не похоже. И к тому же он испытывал некоторые сомнения, что сломанный нос, который не особенно похож на адскую кару, можно считать наградой для благословенных праведников.

Где же он в таком случае? В чистилище? Он представлял его себе как что-то серое и тусклое; однако разлившийся перед глазами блеклый красноватый свет почти подтверждал подобный вывод.

Сознание несколько прояснилось, постепенно возвращался рассудок. С некоторым раздражением он подумал, что хорошо бы кто-нибудь его заметил. И, раз уж его страданий не хватило для того, чтобы очиститься от грехов и, упокоившись, сразу взойти в Царство Божие, пусть ему объявят приговор Высшего судии. Конечно, ему не было ведомо, кого ждать

с вестью, ангела или демона: о персонале чистилища и его особенностях не рассказывали в школе, а сам он как-то об этом никогда не размышлял.

В предвкушении встречи он стал прикидывать, какие следующие мучения могут ему достаться, и задумался, не начались ли уже они, так как вместе с сознанием вернулись чувства и, следовательно, боль. Теперь он чувствовал все свои порезы и ссадины и был совершенно уверен, что вновь сломал безымянный палец правой руки. Трудно этого избежать, когда сустав почти не гнется. Так, значит, все не так ужасно. Еще что?

Клэр.

Имя пронзило его сердце словно ножом, причинив боль, не сравнимую ни с какими муками тела.

Если бы он оставался в земной телесной оболочке, несомненно, корчился бы в страшных страданиях. Впрочем, он знал, что так случится, еще когда отсылал ее к кругу камней. Для чистилища же духовные терзания обычны; видимо, решил он, боль разлуки станет основным его наказанием. Главным и достаточным для искупления всех грехов, вплоть до убийства и измены.

Он не был уверен, можно ли грешникам, находящимся в чистилище, молиться, но тем не менее решился на это: «Господи, избавь ее от бед и опасностей. Ее и дитя».

Никаких сомнений: как и прежде, она легка на подъем и быстра на ногу, а своим упрямством превосходит всех известных ему женщин. Однако смогла ли она вернуться обратно, туда, откуда пришла? Скользить по полному опасностей пути, сквозь неведомые таинственные слои, разделяющие «тогда» и «теперь», прошлое и будущее? Он представил себе, что ее, такую одинокую и беспомощную, зажал в кольце камней, а он даже не может прояснить ее участь, и горе заставило забыть о сломанном носе.

Дабы отвлечься от тяжелых мыслей, он вновь решил пересчитать свои телесные раны и весьма огорчился, когда понял, что не чувствует левую ногу. Похоже, ее не было. Впрочем, бедро заявляло о себе колющей болью в суставе, а вот ниже... ничего. Ну что ж, в свое время он вернет себе ногу — либо когда, наконец, попадет в рай, либо, в крайнем случае, в день Страшного суда. В конце концов, его зять Эуон весьма ловко ковылял на деревяшке, заменявшей ему отсутствующую ногу.

Честно сказать, все это затрагивало его самолюбие. Однако все это, возможно, и устроено с тем, чтобы избавить его от греха гордыни? Стиснув зубы, он решил принять выпавшую ему участь со всем присущим ему мужеством и всем смирением, на какое способен, но не смог удержаться и попытался ощупать рукой (или тем, что было у него вместо руки), где же кончается его нога.

Рука наткнулась на что-то твердое. Пальцы зацепились за чьи-то мокрые спутанные волосы. Он резко сел, с трудом отодрал кровавую корку, крепко склеившую его веки, — и вместе со зрением к нему вернулись воспоминания.

Он ошибался. Это был ад. Но, увы, Джеймс Фрэзер отнюдь не умер.

На нем, поперек, лежало чье-то мертвое тело, придавившее своей тяжестью его левую ногу, поэтому он ее и не чувствовал. Тяжелая, как пушечное ядро, голова мертвеца лежала лицом вниз на его животе, и на мокрое полотно рубашки свисали свалявшиеся волосы. Внезапно испугавшись, Джейми дернулся — голова скатилась набок, ему на колени, и из-под волос на него незряче уставился полуоткрытый глаз.

Это был капитан Джек Рэндалл; его красивый красный мундир так промок, что казался почти черным. Джейми попробовал скинуть с себя мертвеца, но неожиданно ослаб. Его рука соскользнула с плеча Рэндалла, локоть, на который он пытался опираться, не удержал тяжести, и Джеймс, упав обратно на спину, уставился в бледное пасмурное небо, от которого кружилась голова. С каждым глубоким вздохом по животу непристойно перекачивалась голова Джека Рэндалла.

Он плотно прижал ладони к влажной земле — между пальцами просачивалась холодная вода, а рубашка на спине насквозь промокла — и, извернувшись, перекатился на бок. Труп медленно соскользнул — и плоть его, лишившись последней защиты, стала открыта дождю и холоду, внезапно пробравшему до костей. Он стал крутиться на земле, пытаясь сладить со своим слипшимся грязным пледом, и вдруг услышал вдалеке, сквозь вой весеннего ветра, похожего на голоса духов, далекие крики и стоны и над ними — хриплое карканье. Вороны. Похоже, множество.

«Странно это, — отстраненно подумал он. — Птицы не должны летать в такую бурю».

Наконец ему удалось вытащить из-под себя плед и укутаться. Накрывая ноги, он увидел, что килт и левая нога в крови, но это его не расстроило и не испугало, а лишь вызвало смутный интерес: темно-красные разводы представляли собой контраст с окружающим его серо-зеленым болотом, поросшим вереском. Вскоре он перестал слышать отголоски битвы и под зловещее карканье покинул поле Каллодена.

Много позже его разбудили окликом:

— Фрэзер! Джейми Фрэзер! Ты здесь?

«Нет, — рассеянно подумал он. — Меня здесь нет». Где бы он ни был, когда пребывал без памяти, там казалось куда приятнее. Нынче он лежал в неглубокой яме, на дне которой стояла вода. Перестало моросить, но